

ДОМИНИКА ВЕСОЛЭК

МОДИФИКАЦИИ РУССКИХ СЛОВ ПРИ СОЗДАНИИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В РОМАНЕ ЭНТОНИ БЕРДЖЕССА ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН

Studia Rossica Posnaniensia 39, 357-369

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

МОДИФИКАЦИИ РУССКИХ СЛОВ ПРИ СОЗДАНИИ
МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА
В РОМАНЕ ЭНТОНИ БЕРДЖЕССА ЗАВОДНОЙ АПЕЛЬСИН

MODIFICATIONS OF RUSSIAN-DERIVED WORDS
IN THE TEEN SLANG PRESENTED
IN ANTHONY BURGESS'S *A CLOCKWORK ORANGE*

ДОМИНИКА ВЕСОЛЭК

ABSTRACT. The article presents an attempt at analyzing the teen slang that Anthony Burgess used in his novel *A Clockwork Orange*. This slang is mainly based on words that have been borrowed from Russian. This article discusses different ways of introducing Russian words into the English language system.

Dominika Wesolek, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

Заводной апельсин – это роман-эксперимент, написанный в 1962 году английским писателем Энтони Берджессом. Произведение является дистопией и, как большинство произведений этого жанра, написано особенным, созданным исключительно для романа, языком. Этот язык – самый интересный аспект произведения. В романе он является молодежным жаргоном и приобретает название Nadsat.

Искусственный жаргон Nadsat, являющийся результатом креативности, фантазии, а также лингвистических знаний автора, дождался многих литературных анализов. Большинство из них касается характерных черт сленга и исполняемых им функций. Такой вопрос обсуждает между прочим Роберт Эванс¹. В своей статье Эванс пытается объяснить, почему особенно русский язык является источником новой лексики в сленге Берджесса.

Вопрос функций футуристических языков в дистопиях, в том числе в дистопии Берджесса, затрагивают Дейвид В. Сиск² и Эндрю Лардж³. Анализируя речь молодежи в романе, Сиск отмечает применение грам-

¹ P. O. Evans, *Nadsat: The Argot and Its Implications in Anthony Burgess 'A Clockwork Orange'*, „Journal of Modern Literature” 1971, vol. 1, no. 3.

² D. W. Sisk, *Transformation of Language in Modern Dystopias*, London 1997.

³ A. L. Arge, *The Artificial Language Movement*, Oxford 1985.

матической редупликации и звукоподражающих слов – элементов, типичных для детской речи. Э. Лардж подчеркивает, что искусственный жаргон Nadsat не является языком, построенным из вымышленных, не функционирующих ни в одном подлинном языке единиц, но основан на элементах грамматики, лексики и синтаксиса уже существующих языков⁴.

Тема роли сленга в дистопии на основе романа *Заводной апельсин* кажется популярным предметом студенческих статей и диссертаций⁵.

Существуют множество исследований, касающихся переводов романа на иностранные языки, например: польский⁶ (большинство анализов касается превосходного перевода Роберта Стиллера, который создал два варианта романа: вариант „А” и вариант „Р”, в зависимости от языка, на котором основан перевод неологизмов), русский⁷, итальянский⁸. Описания и исследования иноязычных версий в большинстве сосредоточены на том, как переведены сленговые неологизмы. Некоторые работы, в том числе и анализ Цезары Михонского⁹, не только рассматривают проблему перевода, но также анализируют структуру неологизмов подлинника.

Есть и исследования, сосредоточенные на языковых процессах, примененных Берджессом при создании сленга¹⁰. Однако они анализируют прежде всего модификации английских слов, включая русскую лексику в общую группу заимствований и не рассматривая подробнее их структуру.

Так как, насколько нам известно, никто не посвятил своих исследований тщательному анализу приемов, использованных при модификации русских слов для создания молодежного жаргона Nadsat, мы, в настоящей статье, попытаемся рассмотреть сленг Берджесса именно с этой точки зрения.

⁴ Там же.

⁵ См. сайт: http://www.eikman.net/docs/eike_kuehl_-_language_and_dystopia_thesis.pdf (23.04.2013); http://litere.usv.ro/pagini/Volume_manifestari_studentesti/CONSENSUS%20lucrari/10.pdf и др. (23.04.2013).

⁶ См. сайт: http://www.masterbibangers.net/ABC/index.php?option=com_content&view=article&id=73&Itemid=137 (22.04.2013); С. М и ч о њ с к и, *Kognitywne aspekty przekładu na podstawie tłumaczenia neologizmów w powieści Anthony Burgessa „Mechaniczna pomarańcza”*, [в:] *Język a kultura*, red. I. Nowakowska-Kempna, t. 8, Wrocław 1992.

⁷ К. W i n d l e, *Two Russian translations of A Clockwork Orange, or the homecoming of Nadsat*, “Canadian Slavonic Papers” 1995, no. 37 (1–2), c. 163–185.

⁸ B. M a h e r, *Attitude and Intervention: ‘A Clockwork Orange’ and ‘Arancia meccanica’*, “New Voices in Translation Studies” 2010, no. 6, c. 36–51.

⁹ С. М и ч о њ с к и, *Kognitywne aspekty...*, указ. соч.

¹⁰ G. A g g e l e r, *Linguistics, Mechanics, and Metaphysics: Anthony Burgess's ‘A Clockwork Orange’* (1962), [в:] *Critical Essays on Anthony Burgess*, Boston 1986.

Предметом анализа в данной статье является жаргон Nadsat, основанный на заимствованиях прежде всего из русского языка, а также на неологизмах, построенных при участии русской лексики. Но Nadsat черпает не только из русского, но в большой степени сохраняет структуру английского языка. Анализируя результаты внедрения русских слов в английский язык, сосредоточимся на четырех главных группах распознанных нами процессов: транслитерации, словоизменении, словообразовании и неологизации.

1. Транслитерация заимствований

С целью ввести русские слова в английский язык Берджесс отказывается от кириллического алфавита, заменяя запись заимствованных слов латинскими знаками. Русские слова, создающие суть молодежного сленга Nadsat, приобретают английскую орфографию и запись, отвечающую законам английского правописания. Так как английское правописание в основном непоследовательное, большинство кириллических букв в транслитерации Берджесса получают более чем один латинский эквивалент: **ж** – *zheena* (жена), *jeezny* (жизнь), *moodge* (муж); **и** – *britva* (бритва), *eemya* (имя), *sladky* (сладкий); **к** – *kupet* (купить), *carman* (карман), *oddy knocky* (одинокий); **п** – *polezny* (полезный), *sabog* (сапог); **х** – *chepooka* (чепуха), *smeck* (смех); **ц** – *litso* (лицо), *nadsat* (-над-цать); **ч** – *nachinat* (начинать), *bratchny* (внебрачный); **щ** – *pishcha* (пища), *cheena* (женщина); **ю** – *vestibule* (вестибюль), *klootch* (ключ), *lewdies* (люди); **я** – *yahzick* (язык), *yarbles* (яблоки), *eemya* (имя), *grazzy* (грязь) и др.

Транслитерация в некоторых случаях изображает то, как русские слова воспринимаются на слух, и прежде всего то, каким образом сильная редукция гласных в неударных слогах влияет на исчезновение или изменение качества некоторых фонем. В результате этого возникают такие слова, как:

- 1) *tally* (талія), созданное путем элизии звуков [ja] в конце слова;
- 2) *merzky* (мерзкий), *nadmenny* (надменный), *oddy knocky* (одинокий), *bratchny* (внебрачный), возникшие в результате элизии звука [j] в конце прилагательных;
- 3) *goober* (губа), *morder* (морда), созданные при замене гласного [a] на [ə] в последударном слоге;
- 4) *zheena* (жена), при создании которого главную роль играет смена качества звука [e] на [i:] вследствие сильной редукции гласного [e] в предударном слоге;
- 5) *yarbles* (яблоки), в котором через добавление согласного [r] удлиняется ударный звук [a].

Непоследовательность транслитерации, примененной Берджессом, обнаруживается также в том, что писатель иногда принимает во вни-

мание фонетические последствия русского ударения и его влияние на качество гласных (ср. выше), а иногда не придает им никакого значения:

1) предударное [a] = [ɔ] или [əu] транслитерируется согласно русской орфографии как „о“: *odin* (один), *okno* (окно), *scoteena* (скотина);

2) ударный гласный [a] в слове „рука“ получает такой же графический символ, как послеударное [a] (ср. выше), и приобретает форму *rooker*.

Большинство слов лишено также мягкости:

[r'] = [r] *brooko* (брюхо); [t'] = [t] *crast* (красть), *brosat* (бросать); [n'] = [n] *von* (вон). Но есть ряд существительных, в которых автор сохранил палатализацию конечных согласных: *grazzy* (грязь); *jeeznu* (жизнь). Иногда Берджесс добавляет даже отсутствующую в русском языке мягкость: [m] = [m'] *domy* (дом).

Некоторые замены вытекают из законов английской фонотактики (какие звуки в определенном языке могут выступать рядом друг с другом, а какие группировки фонем в данном языке не выступают). Одной из них является элизия согласного [n] в середине слова *bezoomy* „безумный“. Латинская запись слова отражает особенности английской фонетики, где звук [n], выступающий после звука [m], является непроносимым — *damn*, *autumn* и др. Через элизию [n] Берджесс отличает также прилагательное *bezoomy* (безумный) от существительного *bezoomny* (сумасшедший). В некоторых словах Берджесс удваивает согласные, так как в английском языке согласные между двумя гласными очень часто удваиваются: *chelloveck* – человек; *interessovat* – интересовать; *bugatty* – богатый. Слова с удвоенными согласными кажутся более похожими на английские слова и легче воплощаются в язык.

2. Словоизменение

Берджесс, приспособлявая русские слова к английскому языку, добавляет к основам или корням русских заимствований английские флексии. Таким способом создается множественное число существительных, прошедшее время глаголов, причастие настоящего времени и превосходная степень прилагательных.

Множественное число образуется при помощи флексии:

◆ *-s* – для существительных, оканчивающихся на гласный или согласный, не являющийся шипящим: *baboochkas* (бабушки), *keeshkas* (кишки), *devotchkas* (девочки), *koshkas* (кошки), *litsos* (лица), *slovos* (слова), *nogas* (ноги);

◆ *-es*, которая присоединяется к некоторым существительным, заканчивающимся на *-o*, и к большинству существительных, заканчивающихся на шипящий звук или два и более согласных звука: *gorloes* (горла), *pletchoes* (плечи), *nozhes* (ножи), *toofles* (туфли), *veshches* (вещи), *creeches* (крики);

♦ *-ies*, которая образует множественное число существительных, оканчивающихся на *-y*: *plenny* (пленный) – *plennies*, *bratty* (брат) – *bratties*, *sharry* (шар) – *sharries*, *oddy knocky* (одинокий) – *oddy knockies*, *groody* (грудь) – *groodies*, *jeezny* (жизнь) – *jeeznies*, *domy* (дом) – *domies*.

В некоторых случаях заимствованные слова выступают в форме двойной множественности: *maskies*, *otchkies*, *zoobies*, *pantalones*, *malchickies*. Форма этих слов – это результат принятия Берджессом формы множественного числа слов „маски“, „очки“, „зубы“, „панталоны“, „мальчишки“ за форму единственного числа.

Форму прошедшего времени Берджесс создает при помощи суффикса *-ed*: *ookadeeted* (уходить), *smecked* (от слова „смех“ в значении „смеяться“), *yeckated* (ехать), *sloochated* (слушать), *oobvated* (убивать) и др. Автор отражает правила английской орфографии, удваивая согласные при присоединении флективных окончаний в некоторых глаголах прошедшего времени: *interessovatted* (интересоваться), *skazatted* (сказать), *sobiratted* (собирать), *smotted* (смотреть), *skvatted* (схватить), как в английских: *stopped*, *dabbed*, *guttled*, *preferred* и др..

Причастие настоящего времени автор романа и сленга Nadsat образует при помощи суффикса *-ing*: *beseeching* (беситься), *sloochating* (слушать), *tolchocking* (пинать; от „толчок“), *viddying* (видеть), *smotting* (смотреть), *nukking* (нюхать). Также и в этом случае Берджесс подражает английскому правописанию и удваивает некоторые гласные.

В Nadsat только одно прилагательное изменяется по степеням сравнения, а именно *bolshy*, в значении „большой“. Автор сленга принимает сравнительную форму прилагательного „большой“, а именно „больший“, за основную и транслитерирует ее согласно правилам, связанным с ударением, как *bolshy*. К этой форме он добавляет суффикс *-est*, заменяя, по законам английской орфографии, *y* на *i*, и таким образом получается слово *bolshiest*.

3. Словообразование

Среди словообразовательных процессов, применяющихся для создания молодежного сленга Nadsat, можно идентифицировать:

- 1) конверсию,
- 2) обратное словообразование,
- 3) аффиксацию,
- 4) сложение.

Конверсия в сленге осуществляется между прочим в слове *platch* (плач), которое в русском языке является существительным, а в сленге приобретает функцию глагола „плакать“. То же самое происходит с существительными „толчок“ (в сленге *tolchock* – „бить“, „ударить ногой“), „вред“ (в Nadsat *vred* – „вредить“). В сленге происходит также

субстантивация глагола „сниться”, который в сленге имеет форму *sneety* и приобретает значение существительного „сон”.

Одним из способов образования слов в сленге является также обратное словообразование, которое осуществляется в жаргоне Nadsat путем двух видов усечения: апокопы и афerezиса. Путем апокопы, то есть усечения в конце слова¹¹, образованы такие слова, как: *shoot* (шутить), *cheest* (чистить), *vred* (вредить), *razdrez* (раздражать), *zammechat* (замечательный), *chasso* (часовой), *moodge* (мужчина), *nazz* (назад). Афerezис, т.е. усечение начала слова¹², использован в создании слов *veck* (человек) и *cheena* (женщина).

В результате использования следующего словообразовательного механизма, т.е. аффиксации, создаются характерные для сленга суффиксальные слова. При помощи суффиксации созданы прилагательные, наречия и глаголы. Для создания прилагательных Берджесс использует английские суффиксы, как:

◆ *-y*: *shooty* (от „шутить”, в значении „высмеянный”), *vonny* (от вонь, в значении „вонючий”);

◆ *-ly*: *cally* (от „кал” в значении английского „shitty” – неважный, низкокачественный);

◆ *-ie*: *droogie* (от „друг”, в значении „дружеский”);

◆ *-less*: *domeless* (от „дом”; английское „homeless” – „бездомный”).

Наречия образуются при помощи суффикса *-ly*: *poogly* (от „пугать”, в значении „трусливо”). Глаголы создаются путем присоединения к корню суффикса *-y*: *pony* (понимать), *gooly* (гулять), *slooshy* (слушать), *viddy* (видеть). В сленге много также герундиальных образований, созданных наподобие английских слов с суффиксом *-ing*: *dratsing* (драться), *prodding* (продавать), *crasting* (красть), *govoreeting* (говорить), *tolchoking* (пинать), *lubbilubbing* (заниматься сексом), *cheesting* (чистить), *krovvyng* (истекать кровью), *kupetting* (купить).

Рядом с конверсией, обратным словообразованием и аффиксацией, среди словообразовательных приемов, использованных для создания сленга, присутствуют также сложения. Они являются преимущественно русско-английскими гибридами. Большинство из них – это собственно сложения: *cell-droogs* (друзья по тюремной камере), *millicent-van* (полицейская машина), *krovvy-covered* (покрытый кровью), *krovvy-red* (красный как кровь), *krovvy-dripping* (истекающий кровью), *shop-crasting* (кража в магазине), *under-veck* (человек, оказывающий услуги), *counter-veck* (продавец), *innermeck* (внутренний смех), *underveshches* (нижнее белье),

¹¹ Способы номинации в современном русском языке, под ред. Д.Н. Шмелева, Москва 1982, с. 77.

¹² Там же.

glazzlids (веки). Слово *lubbilubbing* кажется собственным сложением с тавтологическим элементом, а *malchikiwicks* можно назвать чем-то в роде гендиадиса, так как второй элемент является асемантическим, и если бы унифицировать множественные флексии (вследствие чего возникло бы слово „*malchikiwiki*” или „*malchikswicks*”), два словесных компонента являлись бы рифмованными.

4. Неологизация

В сленге на заимствованных русских словах применяются приемы неологизации, результатом которых являются прежде всего неосемантизмы и структурные неологизмы. В словаре сленга Nadsat среди лексических единиц, происходящих из русского языка, можно идентифицировать пять групп новой лексики:

- 1) лексические заимствования;
- 2) кальки;
- 3) неосемантизмы;
- 4) структурные неологизмы;
- 5) абсолютные неологизмы¹³.

Самое большое количество лексического состава молодежного сленга в романе составляют заимствования внешней формы (лексические заимствования). К этой группе относятся: *baboochka* (бабушка), *keeshkas* (кишки), *yahma* (яма), *von* (вонь), *morose* (мороз), *slovo* (слово), *nochy* (ночь), *radosty* (радость) и др. Среди лексических заимствований находится также русско-английский гибрид, который можно определить как полузаимствование – *shop-crasting*. Слово имеет свой английский эквивалент – *shop-lifting*, и обозначает „кража в магазине”. Слово „*lifting*” само по себе семантически не имеет ничего общего со словом „кража” и только в сочетании со словом *shop* (магазин) получает значение „кража в магазине”. Русско-английский гибрид является полузаимствованием, так как вторая часть не переводится буквально, но замещается словом, близким по значению слову *shop-lifting*.

¹³ Деление сленговых форм, происходящих из русского языка, на неологизмы и заимствования является условным, потому что все подвергающиеся анализу слова можно причислить одновременно к заимствованиям и неологизмам, так как все они взяты из русского и изменены по структуре или семантически (а некоторые из них – как по структуре, так и семантически). Условная типология слов русского происхождения основана на их характерных чертах, так как некоторые из них, более чем другие, соответствуют основным значениям и форме слов-источников, другие сохраняют значение, но получают несколько иную форму (и наоборот). Есть и такие, которые подверглись как формальным, так и семантическим изменениям.

Следующий прием создания неологизмов – кальки. Он используется при обратном калькировании¹⁴. Обратное калькирование отличается от простого калькирования тем, что концепт слова происходит из родного языка, но выражен материальными средствами иностранного языка (языка-источника), в то время как обычное калькирование – это процесс, в котором идея значения взята из иностранного языка, но выражена средствами родного языка. Берджесс семантически не заимствует слов прямо из русского, но пользуется формой русских слов с целью отразить явления при помощи английских понятий и сочетания слов, свойственных английскому языку. Таким образом, русские слова в Nadsat являются кальками с английского языка. Одной из них является слово *ptitsa*. Это слово по форме соответствует русскому слову „птица” и является дословным переводом английского *bird*, что в разговорном языке обозначает „девочка”, „женщина”. То же самое касается слова *forella*. По форме оно соотносится с русским словом „форель” и является калькой английского грубого определения пожилой женщины – *trout* („ведьма”, „старая калоша”). Слово *cal* (русское „кал”) соответствует английскому грубому слову *shit*, в значении „что-то неважное, низкокачественное, надоедливое, что-то заслуживающее презрения”. Несколько сложнее дело обстоит со словом *pol*, которое в сленге используется в значении „половые сношения”. Слово является переводом английского слова *sex*. Слово *sex* в английском является полисемантическим словом и имеет два значения: „половой акт” и „пол”. Путем аналогии с английским языком Берджесс расширяет значение русского слова *пол*, обозначающего один из видов живых существ, и употребляет его в значении „половой акт”.

Процесс обратного калькирования вызывает также ряд обратных полукалек, как *glazzlids* (веки, англ. *eyelids*), *innersmeck* (внутренний смех, англ. *innerlaugh*), *rotful* (небольшое количество, англ. *mouthful*), *domeless* (бездомный, англ. *homeless*), *rookerful* (кто-либо создающий проблемы, англ. *handful*), *cell-droogs* (сокамерник, англ. *cell-mate*), *krovvy-covered* (покрытый кровью, англ. *blood-covered*), *krovvy-dripping* (истекающий кровью, англ. *blood dripping*), *krovvy-red* (красный как кровь, англ. *bloody red*), *underveshches* (нижнее белье, англ. *underclothes*), *under-veck* (подпросток, англ. *underage*), *counter-veck* (продавец, англ. *counterman*). Все они являются полукальками уже существующих в английском языке слов и словосочетаний. Один компонент этих слов является буквальным переводом английского слова на русский, а другой принадлежит к английскому языку.

Обратное калькирование можно также соотнести с некоторыми грамматическими изменениями в заимствованных словах, такими, на-

¹⁴ *Способы номинации...*, указ. соч., с. 103.

пример, как лишение некоторых слов множественного числа. Слова типа *voloss* (в значении „волосы“) или *deng* (в значении „деньги“) получают совсем новую форму. У них отнята морфема, обозначающая множественность, так как эквиваленты этих слов в английском языке (соответственно *hair* и *money*) выступают прежде всего в единственном числе (слово *money* – исключительно, слово *hair* – преимущественно).

Среди новой, созданной исключительно для сленга лексики можно также опознать неосемантизмы. Неосемантизмы в сленге Берджесса – это слова, заимствованные из русского, но приобретающие в языке молодежи несколько или совсем другое значение, чем первичное. К неосемантизмам, основанным на семантическом сдвиге (смещении значения)¹⁵ можно отнести такие слова, как: *lapa* (русское „лапа“, здесь в значении „рука“ или „нога“), *vareet* (русское „варить“ – изготавливать, здесь в значении „приготавливать в состоянии готовности“), *bitva* (русское – „битва“, здесь в значении „драка“), *britva* (русское „бритва“, здесь в значении „нож“), *platch* (русское „плач“, здесь в значении „плакать“), *oobivat* (русское „убивать“, здесь – „убить“), *tolchock* (русское „толчок“, здесь – „пинать“), *smeck* (русское „смех“, здесь – „смеяться“), *sneety* (русское „сниться“, здесь – „сон“), *zashoot* (русское „заснуть“, здесь – „спать“).

Есть и неосемантизмы, отличающиеся выразительной сменой значения заимствованного слова. Смена значения основана на:

- антонимии: *bratchny* (в значении „внебрачный“);
- метафоре: *sharries* (от русского „шарик“, в сленге – в значении „мужские гениталии“); *oozy* (от русского „уж“, в сленге – в значении „цепь“), *yahma* (от русского „яма“, в сленге – „зад“);
- метонимии: *nadsat* (русское – „-надцать“, в сленге – в значении „подросток“, „жаргон подростков“); *sootka* (русское – „сумка“, в сленге – „женщина“).

Структурные неологизмы изменены не только транслитерацией и добавлением английских суффиксов, но и другими новациями, такими как:

- усечение: *drat* (драться), *slooshy* (слухать), *biblio* (библиотека), *chasso* (часовой), *cheena* (женщина), *moodge* (мужчина), *nadsat* (-надцать), *nazz* (назад), *zamechat* (замечательный), *veck* (человек), *razdrez* (раздражать), *gooly* (гулять), *viddy* (видеть), *cheest* (чистить), *creech* (кричать), *osoosh* (осушать), *pony* (понимать), *razrez* (разрезать), *smot* (смотреть), *skvat* (схватить);

- двойная множественность: *otchkies* (очки), *pantalonies* (от: панталоны в значении „брюки“), *lewdies* (люди);

¹⁵ Там же, с. 58.

– элизия согласного в конце слова: *bezoomy* (безумный), *choodessny* (чудесный), *grazhny* (грязный), *gromky* (громкий), *bratchny* (в значении „внебрачный“), *bugatty* (богатый), *malenky* (маленький), *merzky* (мерзкий), *padmennu* (надменный), *oddy knocky* (одинокий), *oomny* (умный) и др.;

– элизия согласного в середине слова: *bezoomy* (безумный), *dobby* (добрый);

– удвоение согласного: *chasso* (часовой), *collocoll* (колокол), *forella* (форель), *glazz* (глазо), *goloss* (голос), *krovvy* (кровь), *millicents* (милиционер) и др.;

– замена согласного: *brooko* (брюх), *chepooka* (чепуха), *kreeches* (крик, кричать), *dook* (дух), *nuking* (нюхать), *ooko* (ухо) и др.;

– отсутствие множественности: *deng* (деньги), *voloss* (волосы), *mozg* (мозг);

– смена гласного: *goober* (губа), *morder* (морда), *rooker* (рука), *kupet* (купить), *lovet* (ловить), *messel* (мысль), *razdrez* (радражать);

– звуковая ассимиляция: *oddy knocky* (одинокий); в слове налицо сходство с фразой „*oki doki*“ („океюшки“, „хорошо“), происходящей из сленга.

Самыми интересными по форме неологизмами, входящими в лексический состав сленга, являются абсолютные неологизмы. Это такие слова русского происхождения, форма которых возникла в результате нескольких лексических и семантических процессов и которые в результате этих процессов кажутся совсем новыми лексическими элементами. Абсолютным неологизмом в этом смысле является слово *gulliver*, в сленге – „голова“ („He was smeking his gulliver off“ – „He was laughing his head off“ – „Он катался со смеха“). В английском языке оно ассоциируется прежде всего с героем романа Джонатана Свифта *Путешествия Гулливера*. В сленге *Nadsat gulliver* употребляется в значении „голова“ только на основе звукового сходства с русским словом. Неологизмом, созданным на основе омонимии, является также *horrorshow* – слово, чаще всех употребляемое главным героем романа. *Horrorshow* является сращением, и как сращение не имеет значения в английском языке, но по звучанию оно похоже на русское слово „хорошо“ и обозначает в сленге „класный“, „класно“, „превосходный“, „превосходно“. Значение отдельных компонентов сращения: *horror* („ужас“) и *show* („представление“) не имеет никакого применения к семантике сленгового слова *horrorshow*, но тем не менее влияет на его смысловой оттенок, так как *horrorshow* появляется тогда, когда рассказчик доволен каким-то жестоким событием и когда случается что-то ужасное. Омонимические изменения, подсказывающие смысловой оттенок называемого явления, касаются также слова *millicent*. Оно образовано на базе русского слова „милиционер“ и то же самое обозначает в сленге. Для сленга оно не-

сколько изменено. Первые два слога слова на основе звукового сходства замещаются приставкой *milli-*, имеющей значение малого количества. Вторая часть неологизма – *-cent* – это омоним слова, обозначающего самый маленький английский номинал. Неологизм своим звуковым сходством с двумя явлениями ничтожной ценности подсказывает эмоциональную оценку, скрытую в форме слова, которая является способом выражения презрения. Омонимическим неологизмом является также слово *spoozy* („испуганный“), семантически связанное с русским словом „пугать“, а по структуре – с английским *spooky* („жуткий“), а также слово *spatchka*. Слово *spatchka* происходит от русского глагола „спать“ и обозначает в сленге „сон“. Мягкий звук [tʲ] замещается звуком [tʃ] и к слову добавляется характерная для русских существительных женского рода морфема „к“, а также флексия „а“.

Есть и неологизмы, созданные метафорой, основой которой является физическое сходство. Таким образом созданы слова *oozy*, *hen-korm*, *yarbles*. *Oozy* обозначает „цепь“, но происходит от русского слова „уж“. Сложение-гибрид *hen-korm*, буквально – „корм для кур“ (*hen* – „курица“), в сленге обозначает „мелкие деньги“. *Yarbles* – это определение, касающееся мужских гениталий, происходящее от русского слова „яблоки“.

Некоторые абсолютные неологизмы – это результат игры с языком, например, *lubbilubbing* и *malchikiwicks*. Слово *lubbilubbing*, кроме того, что оно семантически связано с русским словом „любить“, лексически не похоже ни на какой лексический элемент ни русского, ни английского языка. Таково и сложение *malchikiwicks* (в сленге „умники“, „прониры“).

Интересный случай составляет слово *neezhnies* (от русского „нижний“), которое в сленге выступает в значении „нижнее белье“ (английское „*underclothes*“). Слово создано путем эллипсиса второго компонента словосочетания, а также усечения флективного окончания *-ee* и субстантивации прилагательного. К основе слова „нижний“ добавляется морфема *-es*, обозначающая в английском языке множественное число. Прибавление множественности – это калька с английского, так как английский эквивалент словосочетания „нижнее белье“, а именно „*underclothes*“, выступает во множественном числе.

Особый лексический элемент сленга составляет также слово *nazz*. Его этимология связана с русским наречием „назад“ и английским словом *backwardness*. Слово „назад“ в дословном переводе является эквивалентом слова *back* – компонента слова *backwardness*, несущего его главное лексическое значение. Слово *backwardness* обозначает между прочим „отсталость умственного развития“, а неологизм *nazz* в сленге *Nadsat* употребляется в значении „дурак“, „идиот“. Итак, слово *nazz*

получает значение от английского слова, а форму от русского, путем усечения, а точнее – апокопирования.

Как свидетельствует указанная выше лексика, Энтони Берджесс, образуя сленг для своего романа, сначала заимствует слова из русского языка, используя способы лексического заимствования, калькирования и обратного калькирования. Затем писатель приспособливает русские слова к английскому правописанию путем транслитерации и замены некоторых звуков. В дальнейшем слова в латинской форме модифицируются процессами неологизации, а некоторые из них служат лишь инспирацией для создания совсем новых языковых элементов.

Современный русский молодежный жаргон в последние годы отличается изобилием английской лексики, между тем как сленг Nadsat заимствует прежде всего из русского языка. Их механизмы внедрения чужих лексических элементов в систему родного языка похожи друг на друга. Русский молодежный жаргон приспособливает английские слова к фонологической и грамматической системам языка, присоединяя к ним русские флексии, суффиксы и придавая им грамматические категории, которые в английском языке отсутствуют (например, категорию рода). Запись слов происходит согласно русской орфографии. Именно таким же образом Берджесс внедряет русские слова в английский язык, т.е. сохраняя правила английского правописания, фонетики, грамматики и оформления слов и словосочетаний.

В естественном молодежном жаргоне множество лексических элементов создано в ситуации отсутствия потребности в новой лексике, в результате чего появляется избыток определений: ряды синонимов, перифразы, тавтономы. В сленге Nadsat эта черта отображена наличием обратных калек, которые при помощи буквального перевода на русский отражают английские наименования. Оба сленга сходны и по иерархии использования определенных видов приобретения и построения новой лексики. Источниками самого большого количества слов являются неосемантизация и структурная неологизация. Важную роль играют также лексические заимствования, кальки, а также процессы аффиксации, словосложения, сокращения, контаминации, метафоризации, метонимии и омонимии.

Библиография

1. *Способы номинации в современном русском языке*, под ред. Д.Н. Шмелева, Москва 1982.
2. Aggeler G., *Linguistics, Mechanics, and Metaphysics: Anthony Burgess's 'A Clockwork Orange' (1962)*, [в:] *Critical Essays on Anthony Burgess*, Boston 1986.
3. Burgess A., *A Clockwork Orange*, London 1972.

4. Coale S., *An Interview with Anthony Burgess*, "Modern Fiction Studies" 1981, no. 3, c. 27.
5. Dulewiczowa I., *Gramatyka konfrontatywna rosyjsko-polska*, Warszawa 1993.
6. Evans P.O., *Nadsat: The Argot and Its Implications in Anthony Burgess' A Clockwork Orange'*, "Journal of Modern Literature" 1971, vol. 1, no. 3.
7. Large A., *The Artificial Language Movement*, Oxford 1985.
8. Maher B., *Attitude and Intervention: 'A Clockwork Orange' and 'Arancia meccanica'*, "New Voices in Translation Studies" 2010, no. 6, c. 36–51.
9. Michoński C., *Kognitywne aspekty przekładu na podstawie tłumaczenia neologizmów w powieści Anthony Burgessa „Mechaniczna pomarańcza”*, [B:] *Język a kultura*, red. I. Nowakowska-Kempna, t. 8, Wrocław 1992.
10. Sisk D.W., *Transformation of Language in Modern Dystopias*, London 1997.
11. Wells J.C., *Longman Pronunciation Dictionary*, London 1998.
12. Windle K., *Two Russian Translations of 'A Clockwork Orange' or the homecoming of Nadsat*, "Canadian Slavonic Papers" 1995, no. 37 (1–2), c. 163–185.
13. http://www.eikman.net/docs/eike_kuehl_-_language_and_dystopia_thesis.pdf (23.04.2013).
14. http://litere.usv.ro/pagini/Volume_manifestari_studentesti/CONSENSUS%20lucrari/10.pdf (23.04.2013).
15. http://www.masterbibangers.net/ABC/index.php?option=com_content&view=article&id=73&Itemid=137 (22.04.2013).